

УДК 321.013 +327.56

АЛЕЙНИКОВ Андрей Викторович –

д.филос.н., доцент кафедры конфликтологии Санкт-Петербургского государственного университета.
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9.

ПОСТКРЫМСКИЕ КОНФЛИКТЫ: СТОИТ ЛИ ПАРИЖ (ШЕНГЕН) МЕССЫ?

POSTCRIMEAN CONFLICTS: IS PARIS (SCHENGEN) WORTH THE MASS?

В статье предпринята попытка выявить и проанализировать системные характеристики и основные составляющие конфликтной динамики в посткрымском мире. Применяя понятийно-категориальный аппарат конфликтологии, автор предлагает предварительную оценку институционального резонанса событий, связанных с формированием нового политического и экономического, ценностного и управленческого пространства. Показаны основные модели современной архитектуры конфликтов и специфика возможной конфигурации логики, этики и эстетики системы их институционального разрешения.

Ключевые слова: Россия, Украина, Крым, посткрымский мир, конфликт, конфликтная модель, конфликтная динамика

The paper attempts to identify and analyze system characteristics and basic components of conflict dynamics in post-Crimean world. Applying conceptual and categorical apparatus of science of political conflicts, the author offers a preliminary assessment of institutional resonance of events associated with formation of a new political, economic, managerial and valuable space. The basic model of modern conflicts' architecture and specificity of a possible configuration of logic, ethics and aesthetics of their institutional resolution are shown in the article.

Keywords: Russia, Ukraine, Crimea, post-Crimean world, conflict, conflict model, conflict dynamics

А потом будем долго огни принимать за пожары мы.
И людей будем долго делить на своих и врагов.

Владимир Высоцкий

Динамика посткрымских конфликтов сегодня еще в лучшем случае может быть описана, но вряд ли объяснена и понята, не говоря уже о предложении концептуальных моделей, включающих сценарное прогнозирование и выработку рекомендаций. Недаром в социальных сетях среди экспертов, обсуждающих «крымский вопрос», популярен анекдотический диалог двух политологов: «Ты что-нибудь понимаешь?» – «Я тебе сейчас объясню...» – «Объяснить я могу и сам. Ты что-нибудь понимаешь?»

Впрочем, и конгресс США инициировал расследование работы своих спецслужб, т.к. те не знали о планах России на Украине. Сотрудников ожидает служебная проверка специальной комиссии Палаты представителей США.

Одно из оправданий случившегося конгрессмены видят в разном стиле работы аналитиков, что и объясняет разницу в выводах разных групп разведки. К сожалению, из сообщений СМИ не ясно, использовала ли какая-нибудь группа для работы теоретическую схему как-то постепенно выходящего из моды, зачастую высокомерно критикуемого «серьезными социологами», но штудируемого на всех мировых политологических факультетах Самюэля Хантингтона. Все его концепции – образец элегантной стройности, эрудированной аргументации, доступности формы изложения и брутальной простоты выводов. В период вьетнамской войны «Карл Маркс Пентагона», как его называли, умело заточил теоретические положения исследования

«Политический порядок в меняющихся обществах» под практическую политику Вашингтона. Протестующие против войны студенты пикетировали его кабинет в Гарварде, а он в это время лично выезжал во Вьетнам консультировать американское командование по стратегии борьбы с партизанами. Хантингтон рекомендовал Вашингтону не комплексовать и относиться прагматично-реалистически к своему вынужденному покровительству военным и авторитарным правителям третьего мира и не стеснялся в качестве одного из лучших примеров модернизационной диктатуры называть сталинский режим в СССР [Дерлугьян 2013: 344-346].

В своей политконсалтинговой деятельности он предлагал модели, позволяющие политикам «систематизировать и обобщать реальность; понимать причинные связи между явлениями; предчувствовать и, если повезет, предсказывать будущие события; отделять важное от неважного; показывать, каким путем двигаться, чтобы достичь наших целей». К сожалению, С. Хантингтон ушел из жизни 24 декабря 2008 г., оставив конгресс и спецслужбы США без своих мощных, теоретически аргументированных консультаций.

Но еще в 1993 г. он сформулировал ряд тезисов, цитируемых, как правило, по случаю, но которые сегодня выглядят пророчески:

- осознание различной культурной идентичности определяет модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта;
- наиболее масштабные, важные и опасные конфликты произойдут между народами различной культурной идентичности, и они всегда возникают вдоль «линий разлома»;
- относительное влияние Запада снижается;
- универсалистские претензии Запада все чаще приводят к конфликтам;
- русские сплачиваются вокруг символов своей идентичности;
- Украина является расколотой страной с двумя разными культурами, линия разлома проходит прямо по ее центру вот уже несколько столетий;
- конфликт между русскими и украинцами маловероятен, если политические лидеры приложат значительные усилия

и избегут давления крайних националистов с обеих сторон;

– вероятным вариантом развития ситуации является раскол Украины по линии разлома на две части; восточная – войдет в состав России;

– вопрос отделения первым поднимется в Крыму;

– «обрезок» униатской и прозападной Украины может стать жизнеспособным при активной и серьезной поддержке Запада, которая может быть оказана только в случае серьезного ухудшения отношений между Россией и Западом вплоть до уровня противостояния времен «холодной войны»;

– Россия и Украина являются стержнем, необходимым для единства православного мира;

– выживание Запада зависит в т.ч. от принятия мировыми лидерами цивилизационного характера глобальной политики и сотрудничества для его поддержания [Хантингтон 2003: 11-14, 254-258].

Малкольм Гладуэлл в социологическом бестселлере «Переломный момент» сформулировал ряд закономерностей социальных изменений. Одно из них гласит, что большие перемены следуют за малозаметными событиями, и иногда эти перемены могут быть очень стремительными.

Силовой разгон студентов на Майдане ноябрьской ночью 2013 г. вряд ли сам по себе был смертельным для сложившихся глобальных правил, но стал триггером для реального воплощения фукуямовского «конца истории». Исторический резонанс этого события обрушил институциональную систему соотношения сил, суть политики и идеологии конфликторазрешения (пусть прагматической и циничной), называемой то ли *realpolitik*, то ли *balance of power politics*.

Воронка втянула в себя ранее действующие условия, позволяющие сбалансировать силу участников конфликтов – внутренних и международных. От состояния, описываемого как посткоммунистическая, постсоветская трансформация, Россия переходит к какому-то новому, еще плохо поддающемуся артикуляции (не принимая в расчет ее истерические апокалиптические или ура-патриотические формы)

этапу формирования качественно иных форм и методов управления конфликтами между политическими лидерами, военно-политическими блоками и государствами.

Зафиксируем последствия, которые уже достаточно очевидны на данный момент (это далеко не полный перечень, но говорить о рисках надо, ибо, к сожалению, генералы всегда готовятся к прошедшей войне, а политики готовятся к прошлым конфликтам).

- Утрачена бывшая самоочевидность понятия «постсоветское пространство», и создана другая реальность, новое политическое, экономическое, культурное, образовательное и управленческое пространство.

Нельзя в этом сюжете не отметить и роль социологических пророков в своем отечестве. В 1995 г. как изысканный и загадочный интеллектуальный прикол воспринимался анализ российского социолога А.Ф. Филиппова, провидчески заметившего: «Действительно, сейчас есть международно признанные границы “России”, унаследованные новым государством от Российской Советской Федеративной Социалистической Республики в составе СССР. Однако велика ли цена этой фактичности?.. Сегодня власть в Москве у политиков, сделавших ставку на признание административных границ между союзными республиками бывшего СССР в качестве межгосударственных. Завтра она может перейти к тому, кто хотел бы прирастить территорию за счет “исконно русских земель”. Наконец, сегодня “мировое сообщество” признает Россию в одних границах, а завтра, быть может, признает в других... Однако со времени формального распада СССР таких чрезвычайных событий набирается что-то уж слишком много, промежутки между ними невелики, и процесс, судя по всему, еще не пришел к завершению. Кто, кроме ангажированных политиков, возьмется сейчас предсказать ближайшие изменения в территориальном устройстве нынешней России? Кто решится определить, исходя из одного только фактического положения дел, что вообще есть Россия?» [Филиппов 1995].

- Расширены границы одного государства (России) при проблемности смыслов существования другого (Украины)

даже в уменьшенных территориальных рамках.

- Россия находится в состоянии антагонистического конфликта и невооруженной конфронтации с Европейским союзом и США, экзистенциальной вражды со значительной частью украинского общества, перемаркировавшего внутрисоюзный конфликт в национальный, при котором внутренние разногласия переформируются во внешний выбор враждебности по отношению к России.

- В сложной ситуации оказалась Российская православная церковь (в украинских приходах Московского патриархата около половины общин РПЦ), неясны перспективы Всеправославного собора в 2016 г.

- Ухудшилась «политическая кредитная история» пророссийских лоббистских групп, и стало проблемным (на сегодняшний день) использование Россией рычагов политического влияния на конфликты в мировой экономике, в т.ч. связанные с развитием точных производств и высоких технологий.

- Возможно обострение территориальных конфликтов на постсоветском пространстве, где появилась возможность апелляции к нарушению принципа нерушимости границ самой Россией, ранее обладавшей статусом признанного арбитра и гаранта соглашений, сложившегося баланса сил и интересов.

- Представляется потенциально конфликтным и сам процесс «вписывания» политического и экономического субъективирования Крыма в нынешнюю архитектуру Российской Федерации. Примечательны два высказывания в одной из телепередач представителей крымской элиты: «мы научим Россию политической культуре референдумов» и «мы не для того выгоняли донецких олигархов, чтобы позволить распоряжаться нашими ресурсами другим бизнес-пришельцам», вызвавшие ступор у присутствующих российских депутатов, которые предпочли «замять тему». Кроме того, Крыму предстоят выборы, а его электоральные традиции подразумевают реальный разговор и реальную борьбу, особенно с учетом «татарского фактора» и отсутствия российских механизмов реализации продекларирован-

ного до референдума принципа «национальной квотности» представительства в политических институтах.

- Принятие мер по защите российского бизнеса от западных санкций при определенной трансформации может привести к затуханию публичной политической борьбы с коррупцией.

- Конфликты переходят в личностную плоскость (коммуникации не друг с другом, а друг о друге), в ревность к чужому лидерству, которая приобретает у западных политиков характер агрессивной конфликтности, имеет провоцирующий характер максимального осложнения личной жизни (если не самому первому лицу, то его близкому окружению). Тезис Аль Капоне: «Это просто бизнес, ничего личного», переворачивается, это теперь в основном «личное».

- Конфликтное поведение становится демонстрационным, широко используются «конфликты возмездия».

«Исторически-инфантильная» конфликтность Барака Обамы, для которой характерно экзальтированное преувеличение своей роли, приводит к смеси мессианского стремления изменить Россию «по образу и подобию своему» и беспрецедентной публичной демонстрации идейной архаики — обычая кровной мести (высказывания о стратегии и тактике нанесения максимального ущерба, разрушения экономики Российской Федерации, о чем никогда не позволяли себе заявлять президенты США).

Примеров подобного «радикализма слабости» немало и в посткрымском российском политическом дискурсе. При этом чем мельче (по степени реального влияния, а не формального статуса) политик, тем активнее он замещает дефицит своего властного потенциала месседжами демонстрационной конфликтности, заботясь о виртуальном впечатлении от своей «крутизны».

- Возрастает аффективность конфликтов, для которой характерны нерациональная гиперреакция даже на незначительное раздражение, провоцирующее непропорциональность ответных действий: «Мы все равно покажем, кто здесь главный!»

Признаем, что Россия классически, прямо по Ральфу Дарендорфу, сумела тактически и территориально-локально

(в Крыму) «справиться с конфликтами» и на этом этапе взяла «под свой контроль ритм истории». Упустившие такую возможность получили «этот ритм себе в противники»¹.

По Ницше, любое важное историческое событие есть отражение меняющегося соотношения сил, находящихся в постоянной борьбе, признак того, что некая превосходящая сила установила свое господство. Исходя из этого, крымские события — не преднамеренное действие или реализация определенного проекта и не свободный контракт участвующих сторон.

С его точки зрения, это последовательность «более или менее укоренившихся, более или менее не зависящих друг от друга и разыгрывающихся здесь процессов возобладания, включая и чинимые ими всякий раз препятствия, пробные метаморфозы в целях защиты и реакции, даже результаты удавшихся противоакций» [Ницше 1996: 456].

Социологические исследования ставок и целей различных государств в конфликтах классифицируются в литературе, исходя или из логики поведения в конфликте, зависящей от склонностей государства («плохие вещи исходят от плохих государств (плохих руководителей)», или из логики ситуации («плохие вещи возможны, если хорошие государства оказываются в плохом месте») [Аллисон, Зеликов 2012: 65].

И. Кант писал, что «ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в политическое устройство и правление других государств... Сюда... нельзя отнести тот случай, когда государство вследствие внутренних неурядиц распалось на две части, каждая из которых представляет собой отдельное государство, претендующее на полную

¹ Здесь можно предположить серьезное внимание В.В. Путина к теоретическим проблемам конфликтологии вплоть до имплицитного, текстуально совпадающего цитирования Зиммеля и Дарендорфа, причем в формате свободного обмена мнениями. Вот одна из новелл: «Конфликты всегда есть. Понимаете, конфликта нет только на кладбище, там все тихо и спокойно. Поэтому это нормальное явление, когда есть конфликт. Вопрос в том, чтобы найти цивилизованные инструменты решения конфликта и выходить из конфликта, укрепляя общество и государство, а не разрушая его». Путин В. 2013. Встреча с представителями непарламентских партий. — *Президент России. Официальный сайт*, 20 ноября. Доступ: <http://www.kremlin.ru/news/19659> (проверено 27.03.2014).

самостоятельность; если одному из них будет оказана помощь посторонним государством, то это нельзя рассматривать как вмешательство в политическое устройство другого (иначе возникла бы анархия)»... И еще: «...всякая попытка привить, как ветвь, государство, имеющее подобно стволу собственные корни, к другому государству означала бы уничтожение его как морального лица и превращение морального лица в вещь и противоречила бы идее первоначального договора, без которой нельзя мыслить никакое право на управление народом» [Кант 1966: 262-263, 266, 274, 260].

Возможны ли действия по принуждению к деэскалации конфликтов вне пределов своей территории и юрисдикции, если речь идет о защите «своей клиентель»? Действует ли в этом случае либеральная парадигма: «демократии никогда не воюют с другими демократиями», ибо в них изначально заложены механизмы и структурные ограничения в использовании силы, нормы мирного разрешения конфликтов?

В.В. Путин не сделал ничего не укладывающегося в различные, в т.ч. и либеральные, парадигматические социологические конструкции внешней политики и международных отношений — «правление, сопровождающиеся Нарвами без Полтав, есть бессмыслица» (В.О. Ключевский).

Сужая анализ частными характеристиками Путина, многие западные политологи выбирают стилистически красивые («Он засыпает с мышлением Петра Великого и просыпается с мышлением Сталина»¹), но неверные индикаторы представлений о наборе факторов национальной стратегии России, зачастую разрывающая и размывающая конфигурацию «системы РФ» (Г.О. Павловский).

Стандартное выделение лишь одних аспектов и их классификация и оценивание лишь одним способом искажают концептуальную призму.

Симон Кордонский методологически изящно призывает при анализе российских контекстов отличать «в реальности» и «на самом деле», артикулируя, что «онтологическое единство и логическая несовместимость “реаль-

ности” и “на самом деле” порождает дискомфорт, когда слова не способны выразить в полной мере ни положения говорящего в структуре социального бытия, ни его отношения к этому бытию. От этого, наверное, и мучительный накал политико-философских дискуссий, когда один дискуссиант говорит о том, что есть “в реальности”, другой ему возражает — а “на самом деле” все не так... Раздвоенность придает жизни своеобразную авантюристность, от которой некоторые иностранцы впадают в ступор» [Кордонский 2000: 53-64].

Наряду с «фантазмагорическим модерном» (Вальтер Беньямин), аналитики-россиеведы легитимируют свой фокус оптики политологическим фундаментализмом, тоталитаризируя концептуальные основания исследования России одной специфической доктриной (в концентрированном виде ее выразил американский сенатор Д. Маккейн: «Россия — это автозаправка, маскирующаяся под страну. Это клептократия, это коррупция. Это нация, которая основывает свою экономику исключительно на нефти и газе»).

Более рафинированные и не столь русофобски-ангажированные эксперты, к числу которых относится Майкл Макфол, полагают, что одновременность внедрения демократии, экономической депрессии и ощущения имперской потери сгенерировали «контрреволюционную реакцию», тоску по старому порядку, недовольство итогами «холодной войны». Суть рассматриваемой посткрымской ситуации и поведения России бывший посол определяет так: «Мы не искали эту конфронтацию. Новая эпоха подкралась к нам исподволь, потому что мы не добились решительной победы в холодной войне. Россия не интегрировалась в западную модель мироустройства» [McFaul 2014]. Это — «в реальности».

«На самом деле» Запад не уловил (не смог, не сумел, не захотел, не успел) мегатренды изменения самой реальности, ее социально-политической физики и химии, смену социального кода поведения. Посткрымский сюжет — это точка, в которой государство российское лишь «зафиксировало вес» на определенном этапе постсоветской трансформации, который П. Штомпка характеризовал

¹ *New York Times*, 2014. 23 марта

как преодоление «посттравматического синдрома».

На наш взгляд, нет особой необходимости в поиске экзистенциального смысла в крымском конфликте, более перспективен его анализ в структурах и практиках повседневности, где сложилась ситуация, когда корректирующие действия врача после травмы совпали с желанием самого больного.

Созданный новый мир России и Запада отнюдь не идеален. Разногласия имеются, они серьезны и требуют принятия сложных системных решений.

Какие конфликтные модели мы видим сегодня?

1. Стороны вступают во взаимодействие, которое ведет к нанесению серьезного вреда каждой из них, пока одна из них не выйдет из игры. В теории игр примером является ситуация, когда два автомобиля идут навстречу друг другу, и тот, который первым сворачивает в сторону, считается «слабаком». Надо создать напряжение, которое бы привело к устранению игрока. Стороны не могут ничего выиграть, и только гордость заставляет их сохранять противостояние до финальной точки. И если никто не уступает, то столкновение и фатальная развязка неизбежны. При этом, как правило, ограничителями, красными флажками трагического исхода являются как убежденность одного субъекта конфликта в своем здравомыслии («я никогда не доведу дело до взрыва», так и уверенность другого субъекта в знании своим противником его готовности к любым решительным действиям («он остановится, потому что знает: я-то пойду до конца»).

2. Стороны конфликта могут или демонстрировать свою силу, запугивая противника (стратегия «голубя»), или физически атаковать противника (стратегия «ястреба»). Если обе стороны выбирают стратегию «ястреба», то они сражаются, наносят друг другу увечья. Если же одна сторона выбирает стратегию «ястреба», а вторая — «голубя», то первый побеждает второго. В случае если обе стороны выбирают стратегию «голубя», то стороны приходят к компромиссу, получая выигрыш, который оказывается меньше, чем выигрыш «ястреба», побеждающего «голубя».

3. Известная «дилемма заключенного»

утверждает, что максимальный выигрыш достигается кооперацией, соглашением, балансом сил и интересов.

В этой архитектуре конфликт не может быть разрешен полной капитуляцией одной из сторон. От них обеих требуется не разрушение коммуникаций, а иная логика, другая этика и новая эстетика управления договороспособностью.

Томас Шеллинг, тяжеловес среди разработчиков стратегии конфликта, классик и непререкаемый авторитет для западных теоретиков дипломатии и международных отношений, подчеркивал, что, безусловно, обязательным является допущение существования у участников конфликта как общих, так и взаимно противоречащих интересов. «Чистый конфликт, в котором интересы двух противников полностью противоположны, — особый случай; он появляется в случае войны до полного истребления, но даже для войн другого типа он неприменим. По этой причине “выигрыш” в конфликте не имеет строго составительного смысла; это не победа, одержанная над врагом. Здесь подразумевается выигрыш относительно своей собственной системы ценностей, и его можно добиться путем переговоров, компромиссов, а также избегая поступков, наносящих обоюдный ущерб» [Шеллинг 2007: 17].

Нельзя прятаться от чужих ценностей и неприемлемых идей, обосновывая в экстазе идейной архаики истового пафоса борьбой с ними внутреннюю и внешнюю политику и обеспечивая идейный и ценностный консенсус подавлением инакомыслия, загоняя социум (и российский, и западный) в ограничения, разрывая логику и смысл договоренностей и обязательств, норм и правил.

Но это не означает терпимость в отношении того, что заведомо неистинно, когда трезвый анализ подменяется моральным негодованием (конфликт в России — больше, чем конфликт).

Это дискурсивное публичное поле выражено в известном вопросе: «Вам шашечки или ехать?»

Ясно, что череда посткрымских конфликтов обеспечит драйв перехода российской политико-экономической системы в иное состояние. И его нельзя редуцировать к различным вариантам концепта «отката к тоталитарному

СССР» или, напротив, выстраивания России в качестве самостоятельного цивилизационного центра, осознанно формирующего собственный самобытный путь с опорой на свою ценностную матрицу. Из 1983 г. к нам возвращается сенсационно-горькое разочарование

Юрия Андропова: «...мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, и вынуждены действовать эмпирически, весьма нерациональным методом проб и ошибок». Но это уже совсем другая история – конфликта дискурсов о России.

Литература

Аллисон Г., Зеликов Ф. 2012. *Квинтэссенция решения. На примере Карибского кризиса 1962 года*. М.: УРСС: КД «ЛИБРИКОМ», 528 с.

Дерлугьян Г. 2013. *Как устроен этот мир. наброски на макросоциологические темы*. М.: Изд-во Института Гайдара, 384 с.

Кант И. 1966. К вечному миру. – *Сочинения в 6 т.* Т. 6. М.: Мысль. С. 257-310.

Кордонский С. 2000. «В реальности» и «на самом деле». – *Логос*, № 5/6. С. 53-64. Доступ: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_5_6/2000_5-6_07.htm (проверено 27.03.2014).

Ницше Ф. 1996. К генеалогии морали. Полемическое сочинение. – *Сочинения*. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль. С. 407-520.

Филиппов А. 1995. Смысл империи: к социологии политического пространства. – *Иное. Хрестоматия нового российского самосознания*. Т. 3. Россия как идея. М.: Аргус. Доступ: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/filipp.htm> (проверено 27.03.2014).

Хантингтон С. 2003. *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ, 603 с.

Шеллинг Т. 2007. *Стратегия конфликта*. М.: ИРИСЭН, 366 с.

McFaul M. 2014. *Confronting Putin's Russia*. – *New York Times*, March, 23.

КОЧЕТКОВ Александр Павлович –

д. филос. н., профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, д. 1

arkoch@mail.ru

О НОВОЙ ВЛАСТИ В УКРАИНЕ

ABOUT THE NEW AUTHORITY IN UKRAINE

В статье анализируется процесс формирования нового политического режима на Украине в условиях «революционных событий» последних месяцев. Рассматриваются законность и легитимность его становления, популистский характер его деятельности. Особое внимание обращается на националистические, русофобские действия новой украинской власти, направленные на свертывание демократического развития современной Украины.

Ключевые слова: политический режим, власть, законность, легитимность, охлократия, национализм, радикализм, нацизм

The article analyzes the formation of a new political regime in Ukraine in conditions of «revolutionary events» of recent months. Legality and legitimacy of this regime's formation and populist character of its activity are considered. Particular attention is drawn to the nationalist, russophobic steps of the new Ukrainian government aimed at the curtailment of democratic development of modern Ukraine.

Keywords: political regime, authority, legality, legitimacy, ochlocracy, nationalism, radicalism, Nazism.

На Украине произошла смена власти. Правящий до этого политический режим Януковича из-за своей масштабной коррумпированно-

сти, неспособности поднять экономику и улучшить социальное положение населения оказался полностью дискредитированным в глазах украинских граждан